

УДК 02.15.00

ПРОБЛЕМА ВРЕМЕНИ. ВРЕМЯ И ПРИЧИННОСТЬ**Л.И. Ядута**

Новосибирский государственный университет
экономики и управления «НИНХ»
E-mail: ludmila.yaduta@yandex.ru

В статье обсуждается содержание проблем времени. Акцентируется внимание на связанности времени с интеллектом, устройством нашего сознания.

Ключевые слова: время, мышление, причинность, прошлое, настоящее, будущее.

TIME ISSUE. TIME AND CAUSALITY**L.I. Yaduta**

Novosibirsk State University of Economics and Management
E-mail: ludmila.yaduta@yandex.ru

The article discusses the content of time issues. The attention is focused on coherence of time and intellect, organization of our consciousness.

Key words: time, thinking, causality, past, present, future.

Понятие времени относится к ряду понятий, являющихся формой представления нашим умом вещей, данных в акте простого или непосредственного восприятия, а именно дерево, мышление, Луна и др. Термины «дерево», «мышление», «луна», «время» обозначают интуитивно-непосредственные, отчетливые и ясные идеи, которые поэтому и не нуждаются в определении. Исходя из такого рода понятий, конструируются теоретические миры в философском и фундаментальном научном познании, производятся измерения в естественно-научном познании, они широко используются в языке повседневного общения.

Наш ум представляет понятие времени как некий реальный объект, противостоящий нам в нашей жизнедеятельности и властвующий над ней.

Впервые суть проблемы очень тонко и глубоко осознал А. Августин: «Что же такое время? Пока меня о том никто не спрашивает, я понимаю, нисколько не затрудняясь; но как скоро хочу дать ответ об этом, я становлюсь совершенно в тупик» [1, с. 167].

Таким образом, идея времени есть представление ума и она уже содержится в нашем сознании, но мы не знаем, что такое время, у нас отсутствует концептуальное представление о времени. Концепция времени – это продукт рефлексивного ума, исследовавшего свою собственную идею. Поэтому индивидуум, вопрошающий о времени, должен достигнуть автосинхронной референции внутри самого себя. Самосогласованность, предполагая трансцендирование вопрошающего с феноменологического уровня и исключая субъект-объектное отношение, позволяет встретиться с реальным внутренним временем. При этом время не есть нечто такое, что мы можем чувственно воспринимать. Покидая периферию жизни, вопрошающий попадает в ее центр.

Аристотель связал время с нашим опытом об изменениях в некоторый период времени. Аврелий Августин также связывает время с изменением. Мы измеряем временем движение тел, продолжительность звучания человеческого голоса и т.д., т.е. то, что длится, имеет «начало» и «конец», «до» и «после». Но время как таковое мы не измеряем потому, что «прошлого уже нет», «будущего еще нет», а есть только непрерывное настоящее: настоящее прошлого, настоящее настоящего и настоящее будущего. Измеряя время, мы измеряем «следы», «впечатления», т.е. образы, оставленные вещами, событиями, процессами, находящимися вне нас, в нас. Существование времени таким образом оказывается невозможным без изменения и движения. Но в чем состоит эта производность они не пояснили.

Таким образом, Аристотель и Августин показали, что эпистемологически изменение предшествует времени. Следовательно, время есть модус изменяющегося мира, а к неизменяющемуся миру понятие времени не применимо. Но понятие изменяющегося мира нам не из чего вывести логически, оно является допущением. Августин, принимая идею Творца и сотворенного Им мира, допускает становление мира и линейность времени. Хотя время и составлено из «кусочков», «промежутков», но на самом деле оно есть непрерывное настоящее. Настоящее как «промежуток» есть неуловимое мгновение, момент перехода прошлого в будущее, а будущего в прошлое. Это связано с тем, что пытаясь осмыслить время, мы в нашем сознании фиксируем именно этот переход, а не исчезающее время.

И. Кант не связывал время с изменением, а рассматривал время как форму и условие познания человеческим интеллектом феноменального мира; но он полагал, что объективное упорядочение явлений и событий в последовательность «до» и «после» зависит от причинности.

М. Хайдеггер считал, что время ни в «объекте», ни в «субъекте», но «раньше». Это «раньше» возникает «до» разделения бытия на субъект и объект и представлено человеческим существованием (Dasein) и его «фазами». Dasein, т.е. «вот-бытие», являясь по способу своего бытия временем, тем самым не подчиняется времени полностью. Время течет не от прошлого к будущему, а от будущего к прошлому ввиду того, что Dasein, т.е. фактичность, не-сущее должен сделать выбор самого себя. Когда выбор уже сделан, то «вот-бытие» содержит уже внутри себя прошлое, т.е. бытие «вот-бытия» является теперь уже бытием обусловленным. Поскольку выбор повторяется, то бытие «вот-бытия» приобретает характер непрерывности. Непрерывность обеспечивается проблематичным, незавершенным характером выбора «вот-бытием» самого себя, а также тем, что по отношению к другому (будущему), завершившее бытие «вот-бытие» является «вот-бывшим», т.е. прошлым, уже реализовавшимся проектом бытия, вошедшим в историческую традицию.

Таким образом, сложность проблем времени, как мне представляется, заключается в том, что время целиком течет из неопределенно далекого прошлого через настоящее по направлению к неопределенно далекому будущему. А для нас – будущее не есть то, что неизвестно, будущее – это уже известное нам прошлое, прошедшее через неизвестное настоящее. Настоящее – это «сейчас», «теперь», то, что есть, опыт контакта с которым

мы переживаем и вербализуем. Анализируя представленное, но уже не существующее и упуская проходящее настоящее, остающееся неизвестным, мы проецируем прошлое на будущее. Настоящее проходит незамеченным в силу того, что тогда, когда оно есть, мы осознаем то, чего уже нет; а то, что есть, переходит в прошлое. Настоящее, как «промежуток», «кусочек» связывается с прошлым и будущим только благодаря нашей эпистимической уверенности в том, что мы кое-что теперь знаем. Поэтому самое разорванное бытие может быть превращено в последовательность, порядок. Эта вновь и вновь возникающая связанность, последовательность, непрерывность не позволяет нам допустить, что когда нас нет, то нет и времени. Мы представляем себе, когда нас еще нет или уже нет, то в эти неопределенные промежутки времени есть некий абсолютный наблюдатель, содержащий мир в целом в самом себе и который может засвидетельствовать, что мы были.

Настоящее для нас является принципиально важным, потому что только в нем мы становимся более реальными, более живыми.

Внутренняя диалектика времени состоит в том, что настоящее – это непрерывное развертывание, раскрытие прошедшего. При этом настоящее постоянно исчезает в пустоте будущего, никогда не переставая существовать.

Наша основная трудность заключается в том, чтобы понять, как настоящее возникает из прошлого. Нам трудно это понять потому, что настоящее всегда логически выводится нами из прошлого. Само же настоящее есть переживание и мы вечно опаздываем его понять.

Поскольку бытие времени состоит в том, чтобы исчезнуть, то все приходящее в бытие стремится пребывать вне самого себя. Являясь всего лишь человеческими существами, мы уже пребываем в этом вечном процессе становления.

Жизнь существует благодаря напряжению, создаваемому противоположностями, благодаря синтезу противоположностей. Жить – это значит пребывать в настоящем, в котором уже находятся прошлое и будущее.

Наша проблема, таким образом, – это проблема прошлого, сознание прошлого, поскольку настоящее развертывается из прошлого. Реальность располагается в прошлом и она раскрывается. Но наше испытывающее «я», т.е. «я», которое реально, действительно, по-настоящему что-то испытало, не совпадает с понимающим «я», с «я», которое стремится понять, ищет смысл.

Чрезвычайная сложность проблем времени и трудность их понимания определяется тем, что время как предмет анализа включено в сам анализ. Другими словами, природа времени есть природа интеллекта. Время есть тогда и только тогда, когда есть движение мысли. А это означает, что время возникает тогда, когда уже имеет место бытие. Разделение нашего собственного бытия и бытия мира, что в познании обозначается терминами «субъект» и «объект». Это разделение определяется самим интеллектом. Именно интеллект приносит нам благую весть о том, что мы существуем, и указывает нам на то, что есть еще что-то, бытие которого несоизмеримо с нашим бытием. Мы обсуждаем проблемы времени, как правило, на

онтологической основе, но сами концепции формирования мира являются результатом аналитической познавательной деятельности исследователя. Пытаясь исследовать время как таковое, мы быстро утомляемся и получаем тривиальный результат, а именно время – это интригующий феномен.

Есть исследователи, естественным образом склоняющиеся к оперированию исключительно абстрактными понятиями, т.е. к построению логических схем, репрезентирующих в познании объективный внешний мир. Такой тип индивидуального интеллекта не зависит между представляющим и представляемым. Но есть исследователи, не успокаивающиеся на полученном общем и отвлеченном и, соответственно, неопределенном результате, а продолжающие искать основания самих понятий. К таким авторам я отношу индийского мыслителя Джидду Кришнамурти (1895–1986) и российского философа, логика и социолога А.А. Зиновьева (1922–2006). Я буду рассматривать результаты их исследований как точку зрения.

Каково устройство (механизм) человеческого сознания? Как связаны время и сознание?

А.А. Зиновьев считает, что рассмотрение человеческого сознания как особой идеальной (нематериальной) субстанции, принципиально отличной от субстанции материальной в классической европейской философии, не является адекватным сущности самого сознания. Он предлагает различать в человеческом сознании содержание (образы, мысли, идеи) и аппарат (механизм). Содержание сознания производно от его аппарата и без него и вне его не существует. Аппарат сознания состоит из чувственного и знакового аппаратов. Чувственный аппарат является биологически наследуемым. Знаковый аппарат не является биологически врожденным и не наследуется. Это искусственное изобретение, возникшее на основе чувственного аппарата и невозможное без него. Логический интеллект – это продукт длительной социальной эволюции человечества. Являясь высшим уровнем сознания, он не существует вне языковой деятельности человечества. Суть его заключается в создании языковых знаков и оперировании ими.

Дж. Кришнамурти определяет сознание как маятниковое движение между прошлым и будущим, а настоящее – это просто переход от прошлого к будущему. Сознание и его содержание создано мышлением. Сознание возникает тогда, когда «ум думает». Но ум думает только тогда, когда есть прошлое. Прошное – это память. Когда ум думает, то возникает время, т.е. устанавливается разделение на наблюдателя и наблюдаемое, субъект и объект. Прошное есть продукт деятельности мозга. Он регистрирует, фиксирует каждое представление и из этих представлений возникает мысль. В свою очередь, время есть память. Границы времени – это границы памяти, они самопроизвольны. Сознание, таким образом, есть всегда производное прошлого и никогда настоящего. В этом и состоит основание его существования.

Философ различает два уровня сознания: разум и интеллект. Интеллект понимается как мыслительный процесс, результат прошлого, т.е. связывается с памятью. Реальность, настоящее не есть предмет интеллекта, его предмет – прошлое, а реальность – это неизвестное. Разум понимается как тотальное осознание мыслительного процесса. Самореализация происхо-

дит через интеллект, а творчество осуществляется через разум, поскольку он не имеет дела с прошлым. Разум есть свобода в том смысле, что он не обусловлен прошлым. При этом разум может пользоваться интеллектом.

Дж. Кришнамурти пишет: «Мысль есть продукт времени; без процесса мышления времени не существует. Ум – это создатель времени, он сам – время» [4, с. 322].

Таким образом, диалектика времени и мышления может быть представлена следующим образом. Время предполагает мышление, а мышление предполагает время. Время создает ум, но ум есть время. Суть времени состоит в том, что оно есть память прошлого, т.е. вчера, в соединении с настоящим, т.е. сегодня, что образует будущее, т.е. завтра. Другими словами, память прошлого опыта есть ответ на настоящее в создании будущего, что в целом есть интеллектуальный процесс. Поэтому время есть непрерывность, которая создается памятью.

Дж. Кришнамурти также сказал, что несмотря на то, что мышление – это бесконечное движение, все-таки между двумя мыслями есть некий интервал, хотя и трудноуловимый, куда можно проскользнуть и оказаться вне времени. Разум как раз – вне времени.

Еще А. Шопенгауэр (1788–1860), отличавшийся ясностью мышления, полагал, что противоположность субъекта и объекта обусловлена нашим «мозговым» сознанием. Распадение на субъект и объект есть основная и изначальная форма нашего сознания и поэтому ее нельзя устранить из нашего мышления. Она является предпосылкой всякого мышления и представления. Фактическое положение дел состоит в том, что мир нам дан не непосредственно в самосознании, а через образ, представление в нашем сознании.

Есть ряд метафизических вопросов, формулировка которых обусловлена именно формой нашего сознания, например, о начале, конце, границах, возникновении мира и др. Задавая такого рода вопросы, мы спрашиваем о своем человеческом существовании.

Если считать результаты исследований А.А. Зиновьева, Дж. Кришнамурти правильными, а я полагаю, что они правильные, то тогда причинность есть средство соединения, связывания нас с миром, природой.

Особенность интеллекта состоит в том, что он для всякого изменения предполагает какую-либо причину. Причинность, в свою очередь, предполагает время, а время возникает разделением наблюдателя и наблюдаемого.

У Августина есть высказывание, которое поможет нам прояснить связанность причинности со временем. Августин пишет: «Сказать о ком-нибудь: “он никогда не делал” – значит сказать: “он не делал во времени”. Пусть они (спрашивающие. – Л.Я.) увидят, что не может быть времени, если нет сотворенного; и пусть прекратят пустословие» [1, с. 40].

Итак, всякая деятельность предполагает причинность, т.е. действие – это следствие какой-то причины, а в свою очередь, причинность как раз и предполагает время. Причина в прошлом, а следствие в настоящем. Единственным видом деятельности, реализующимся беспричинно, является творчество. Творчество – это вневременное состояние, свободное от всякой обусловленности – культурной, социальной, эпистемологической, опытной.

Творчество – это неисследованная деятельность. Но продукты творческой деятельности – культурные предметы – являются «сотворенными», возникшими и потому существуют во времени. Кроме того, творчество в строгом смысле слова не требует усилий, потому что оно осуществляется в экстатических состояниях сознания, в состояниях самозабвения. Бог творил именно потому, что Он «ничего не делал».

Таким образом, подлинное творчество – это единственный вид человеческой деятельности, свободный от времени. Бог пребывает в настоящем, в вечности, как противоположности времени, именно потому, что Он «ничего не делает», а творит. А время возникает тогда, когда наличествует причинность.

Доказательность в сфере познания обеспечивается законом основания. Закон основания состоит в том, что следствие зависит от основания, создавая тем самым необходимость. Логическое основание исследования должно превращаться в реальное основание, т.е. причину. Но фактически это не происходит в силу сущности самой причинности, состоящей в том, что она не позволяет нам останавливаться на одной причине, а ведет в бесконечность. Мы не можем завершить причинный ряд и, соответственно, найти окончательную причину, которая бы служила нам объяснительным принципом.

Таким образом, причинность как средство связывания и способ объяснения, находясь исключительно в сфере мышления и являясь одной из форм мышления (каузальные суждения), полностью подчиняется времени. А время, в свою очередь, производно от интеллекта, который сам находится во времени.

В современном мире настоящее принесено в жертву будущему. Если в прошлом человеческое стремление к власти, могуществу обеспечивалось в основном посредством личной отваги, технических средств и человеческого материала, то в настоящем – через построение идей или систем ценностей, которые используются как средство изменения человека, его природы. Идея или система ценностей оказалась важнее человека. Человек и его существование – производным от идеи. Эти системы ценностей предназначены для оценки ситуации и организации программ поведения человека в текущей жизни. Они организуют сознание человека таким образом, что он желаемое принимает за действительное и не замечает того, что есть. В начале своей исторической жизни и в ее последующем осуществлении человек преобразовал природу (внешнюю ему реальность) в окружающую среду, одновременно с этим удвоил себя в культуре, создав ее, а теперь преобразует самого себя. Это и есть способ интервенции в человеческое сознание.

А.А. Зиновьев и Дж. Кришнамурти связывают разрешение проблем современного человеческого существования с интеллектом. Однако подходы к анализу интеллекта у них различаются, что было показано выше. Соответственно А.А. Зиновьев считает, что для разрешения актуальных проблем современности необходим достаточно высокий уровень логического интеллекта, который парадоксальным образом недостаточно востребован в современном обществе. Человек уже превращен в прислугу вещей, а вещный мир начинает обходиться без людей.

А Кришнамурти связывает разрешение проблем с осознанием и пониманием деятельности самого мышления и его трансформацией на этой основе. По мнению восточного мыслителя, человеческое сознание обусловлено не только позитивными, но и негативными социокультурными программами, которые оно и проецирует в будущее. Снятие негативных программ культуры, как правило, мы начинаем с анализа. Однако анализируемое и анализирующее совпадают: мышление должно анализировать само себя и одновременно разрешать свои специфические особенности, которые и порождают негативные явления. В принципе анализом мышления можно заняться (разум), но жизнь не ждет, она не раздумывает. Ясно и то, что умение творить быстро – это большая тайна. С другой стороны, мышление, исследующее само себя, – это продукт времени в силу того, что мысль движется от того, что есть, к тому, что должно быть, т.е. к будущему (идеалу). Соответственно будущее обусловлено прошлым, от негативных программ которого мы пытаемся освободиться. Поскольку культура, с точки зрения Дж. Кришнамурти, есть продукт мышления, а мышление – это продукт времени, т.е. обусловленности прошлым, постольку через анализ невозможно устранить обусловленность человеческого мышления. Возникает вопрос: может ли наше мышление, не применяя анализ, освободиться от обусловленности. Когда мышление анализирует само себя, то оно превращается в сознание. Сознание как таковое целостно, а вот мысль фрагментарна. Поэтому с целью анализа содержания сознания мы разделяем целостность сознания на части, например, сознательное и подсознательное. Исходя из сказанного мы должны будем дать отрицательный ответ. Раскрыть целостность сознания, полагает философ, можно только лишь через наблюдение ввиду того, что при наблюдении у нас нет намерения выйти за пределы того, что есть, т.е. самой целостности сознания.

Использование анализа непродуктивно прежде всего потому, что анализ включает время, а освободиться от социокультурных исторических программ посредством времени невозможно. Мышление, освободившееся от обусловленности, превращается из познающего в понимающее, характеризующееся гибкостью и глубиной.

Таким образом, с одной стороны, культура – это продукт мышления, а с другой – само мышление сформировано культурой. А мы пользовались мышлением как средством завоевания, насилия и его оправдания. А это значит, мышление само по себе не может быть причиной собственной свободы. Мышление приобретает свободу тогда, когда всякое движение мысли прекращается; тогда, когда всякий поиск мыслью способов собственного спасения останавливается. И тогда все, что принадлежало времени, уходит. В подобные состояния сознания мы попадаем в ситуациях созерцания фрагмента природы, картин светлых художников, прослушивания гармоничных музыкальных произведений. А само прекращение движения мысли достигается, по мнению восточного мыслителя, через осознание того, что есть. Мышление не может освободить себя от обусловленности, но оно может наблюдать свою обусловленность. Если это реализовать, то происходит трансформация мышления и, соответственно, возникает возможность разрешения проблем человеческого существования, т.е. проблемы будущего.

Литература

1. *Августин А.* Исповедь. *Абеляр П.* История моих бедствий. М.: Республика, 1992. 335 с.
2. *Аристотель.* Физика. Собр. соч. в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1981. С. 59–262.
3. *Зиновьев А.А.* Фактор понимания. М.: Алгоритм-Эксмо, 2006. 526 с.
4. *Кришнамурти Дж.* Проблемы жизни. М.: Разум, 1993. 447 с.
5. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 503 с.

Bibliography

1. *Avgustin A.* Ispoved'. *Abeljar P.* Istorija moih bedstvij. M.: Respublika, 1992. 335 p.
2. *Aristotel'.* Fizika. Sobr.soch.v 4-h t. T. 3. M.: Mysl', 1981. P. 59–262.
3. *Zinov'ev A.A.* Faktor ponimaniya. M.: Algoritm-Jeksмо, 2006. 526 p.
4. *Krishnamurti Dzh.* Problemy zhizni. M.: Razum, 1993. 447 p.
5. *Hajdegger M.* Bytie i vremja. M.: Ad Marginem, 1997. 503 p.